

— Но как только эта поддержка исчезла, и молодой господин упал с пьедестала, он столкнулся с проблемами выживания, которые даже хуже, чем у обычных людей.

Цзян Цяо посмотрел на Тан Сю:

— Ты что-то знаешь?

Тан Сю вздохнул:

— Я знаю только, что он прилетел из Италии один, на такси доехал до съемочной группы. Знаю, что он уже согласился подписать контракт с той маленькой компанией на пять лет без права перехода. И еще... — Тан Сю сделал паузу. — Еще знаю, что его туфли, хотя и выглядят дорого, явно давно не чистились и выглядят ужасно.

Цзян Цяо долго молчал, а затем тихо, с неуверенностью, пробормотал:

— Может... у него дома что-то случилось?

Он тут же покачал головой, отвергая эту мысль:

— Нет, у него дома все в порядке.

Тан Сю вздохнул:

— Не спеши спрашивать. Он уже принял решение подписать контракт с той компанией, и это трудно изменить. Давай пока понаблюдаем.

Цзян Цяо кивнул:

— Хорошо.

Зная Шэнь Сымо, он понимал, что если у того действительно случилось что-то дома, он ни за что не признается. Особенно учитывая, что с момента его приезда в группу он вел себя с неестественной для него хитростью и опытностью. Цзян Цяо чувствовал, как тяжело ему на душе.

У него не было никаких особых чувств к Шэнь Сымо. Это был просто его ученик, ученик, которого он очень ценил. В киношколе мало детей с чистыми помыслами и искренней любовью к искусству. Большинство приходят с мечтами о славе. Хотя в топовых киношколах набор обычно хороший, но настоящих талантов всегда мало. Шэнь Сымо был, пожалуй, лучшим учеником, которого Цзян Цяо встречал за многие годы.

Умный, думающий, скромный и энергичный, с ярким талантом к актерскому мастерству без излишней самоуверенности. Цзян Цяо обычно не интересовался детьми из чиновничьих семей, но Шэнь Сымо был другим. Его семейное положение не сделало его неприятным человеком, а, напротив, стало гарантией его чистого стремления к искусству.

Цзян Цяо искренне любил этого ученика. Хотя разница в возрасте была меньше десяти лет, он однажды даже воспринимал Шэнь Сымо как своего ребенка.

Сердце Цзян Цяо было тяжелым, как будто на него положили огромный камень. Он пошел за Тан Сю вверх по лестнице в свою комнату. Тан Сю шел на два шага впереди. Смотря на его спину, Цзян Цяо вдруг почувствовал, что они действительно чем-то похожи.

Внешне они не были похожи, их характеры тоже отличались, но их объединяла та самая актерская одаренность. Чжан Кайсин говорил, что он любит необработанные алмазы, и это было правдой. Какой режиссер не любит необработанные алмазы? Не говоря уже о его личных чувствах к Тан Сю, даже если бы Тан Сю категорически отверг его и разбил его сердце, он все равно считал бы Тан Сю замечательным.

— Тан Сю, — вдруг позвал Цзян Цяо.

Тан Сю остановился и обернулся:

— Да?

В темном коридоре он не мог разглядеть выражение лица Цзян Цяо, но чувствовал его крупный силуэт и подавленные эмоции.

— Что бы ни случилось, ты никогда не должен так поступать. — Голос Цзян Цяо был хриплым, звучал тихо.

— Что? — Тан Сю слегка опешил. — Как именно?

Цзян Цяо поднял руку и растрепал свои волосы, затем подошел ближе и взял Тан Сю за плечи, серьезно сказав:

— Я люблю тебя, ты знаешь. Независимо от того, принимаешь ли ты меня, ты — актер, которого я искренне признаю и воспитываю, человек с талантом и светлым будущим. Что бы ни случилось, ты не должен губить себя. Когда человек падает, он губит не только себя, но и тех, кто вкладывал в него душу...

Тан Сю вдруг засмеялся, его смех был тихим, с оттенком смирения и утешения. Он мягко сказал:

— Режиссер, о чем ты? Я прожил десять тысяч лет, неужели ты думаешь, что я могу так легко сдаться?

Цзян Цяо слегка задохнулся, а затем тихо произнес:

— Пьянство, курение — все это неприемлемо.

Тан Сю улыбнулся:

— Хорошо.

— Если у тебя есть проблемы или ты не можешь найти последнюю душу, ты всегда можешь прийти ко мне, не держи все в себе.

— Хорошо.

— Ты обещаешь?

Тан Сю слегка вздохнул:

— Обещаю. Тебе уже почти тридцать, а ты все еще нуждаешься в том, чтобы тебя успокаивали.

Но как только он произнес эти слова, рука, державшая его за плечо, внезапно сжалась

сильнее. Высокая фигура наклонилась ближе, и дыхание Цзян Цяо стало ощутимо ближе.

Мужчина в темноте наклонился и поцеловал его, осторожно, с нежностью. Тан Сю сначала опешил, а затем почувствовал, как его сердце начало биться быстрее. Темный, тихий коридор создавал особую атмосферу, более волнующую, чем тот поцелуй перед Стягом сбора душ.

Цзян Цяо мягко коснулся языка Тан Сю. Он никогда раньше не целовал, и его движения были немного неуклюжими, но искренними. Старый Предок не оттолкнул его, и это радовало Цзян Цяо больше всего.

В темноте и тишине коридора слышалось только учащенное дыхание двух мужчин. Тан Сю был в объятиях Цзян Цяо, и этот парень был так горяч, что Старый Предок начал терять голову.

— Режиссер... — Он слегка отстранился.

В темноте глаза Цзян Цяо смотрели на него, и звук его сглатывания был отчетливо слышен:

— Черт, не называй меня режиссером.

— Что?

Мужчина хрипло прошептал ему на ухо:

— Когда ты называешь меня режиссером, я теряю контроль.

Тан Сю: «...»

Только он хотел спросить, что это за странная причуда, как этот несерьезный парень снова приблизился. На этот раз он не стал целовать губы, а отодвинул воротник рубашки и поцеловал шею Тан Сю. Тан Сю едва мог стоять, опираясь на стену, его дыхание учащалось.

Когда дыхание в коридоре стало еще более учащенным, вдруг открылась противопожарная дверь.

Цзян Цяо замер, не успев отстраниться, как из-за угла послышался голос Ли Цзыпина, который бормотал себе под нос:

— Что за съемочная группа, даже света в коридоре нет, темно, как в пещере.

В следующую секунду вспышка телефона, использованная как фонарик, осветила их лица.

Ли Цзыпин: «..... Аааааа...»

Лицо Ли Цзыпина исказилось, его взгляд перебежал с Тан Сю на Цзян Цяо и обратно. Через некоторое время он ударил себя по коленям и с отчаянием спросил Тан Сю:

— С... с какого момента это началось?

Тан Сю с невозмутимым видом ответил:

— Не могу сказать.

Ли Цзыпин закатил глаза, чуть не потеряв сознание. Цзян Цяо, видя это, сдержанно кашлянул и добавил:

— Действительно, не можем сказать.

Ли Цзыпин вскочил со стула и начал ходить кругами. Цзян Цяо прищурился, глядя на него, и в темноте ему показалось, что он видит ходячую русскую матрешку.

Голос Ли Цзыпина дрожал от волнения:

— Режиссер Цзян, вы не можете так поступать с Тан Сю! Он еще ребенок, только что пришел в индустрию, ничего не знает. Вы...

Цзян Цяо перебил его, многозначительно сказав:

— Ребенок?

— Разве нет? — Капли пота блестели на лбу Ли Цзыпина. Он сглотнул. — Тан Сю только что переступил порог двадцати лет, только что вышел в общество и в эту индустрию. Он неопытен, а вы... — Ли Цзыпин сделал паузу. — У меня нет права вас осуждать, но вы должны понимать, что если это станет известно, слова «продвижение через постель» могут полностью разрушить его.

Тан Сю нахмурился:

— О чем ты?

Цзян Цяо похлопал его по ноге и спокойно ответил Ли Цзыпину:

— Во-первых, никакого продвижения через постель.

Ли Цзыпин явно вздохнул с облегчением, но все еще с недоверием посмотрел на Тан Сю за подтверждением:

— Правда?

Тан Сю не стал утруждать себя ответом, а Цзян Цяо продолжил:

— Во-вторых, мы пока еще не вместе.

— Пока? — Ли Цзыпин почувствовал, что его мозг перегревается. — Что это значит?

В его сердце внезапно вспыхнула защитная злость, и, хотя он понимал, что эта ситуация абсурдна, не смог сдержать себя:

— Тан Сю не тот, кто стремится к быстрому успеху, я знаю его. Он точно не мог первым подойти к режиссеру, это мог быть только...

Цзян Цяо усмехнулся:

— Правильно, это мог быть только я.

Ли Цзыпин: «...»

Цзян Цяо вздохнул:

— Возможно, ты неправильно понял. Актер и режиссер, целующиеся в темноте съемочной

группы, не обязательно делают это ради выгоды. Это может быть зарождающаяся любовь.

Ли Цыпин: «...» Этот режиссер был мастером двусмысленных фраз.

<http://bllate.org/book/16171/1449968>